

ХРИСТИАНСТВО И КОММУНИЗМ

Священик Павел Адельгейм

ПО ПОВОДУ КНИГИ Ф. В. Карелина "ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МАНИФЕСТ"

В текущем столетии нетрудно понять интерес к проблеме "христианство и коммунизм". Ившее сходство христианских нравственных установок с социальными целями коммунизма не раз служило соблазном к их отождествлению. Книги, обсуждавшие эту проблему, различались уровнем отождествления. Иногда отождествление было столь поверхностно, что сквозь него просвечивала неискущенность автора в своих учениях. Иногда за отождествлением угадывались конъюнктурные мотивы. В 60-е годы в Москве была издана книга настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона "Христианство и коммунизм". В ней просматриваются поиски почвы для консолидации, интерес к примирению, взаимопониманию и доверию.

Предлагаемая вниманию читателей книга Ф.В.Карелина "Теологический манифест" не вызывает сомнений в компетентности автора по затронутым проблемам. Богословские размышления и построения, истолкование нескольких глав Апокалипсиса будут интересны читателю независимо от его отношения к существу излагаемой концепции. Это - актуальный материал. Он мог бы послужить основой оригинального цикла лекций по сравнительному богословию для православной молодежи. Студенты Духовной Академии восприняли бы его с несомненным интересом. Размышления автора о русской истории, отношение к России и Советскому государству вызывают расположение и сочувствие.

Концепция книги является спорной и может вызвать много возражений. Это хорошо. Надо ставить и обсуждать проблемы. Разобраться в исторической ситуации по-настоящему можно лишь в том случае, если начнешь разбираться. Начинать всегда приходится с основ, на которых выстроена позиция. Фундамент должен быть испытан на прочность. Ап.Павел советует: "Каждый смотри, как строишь. Ибо никто не может положить другого ссыпания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании,... каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается и огонь покажет дела каждого"/Икор.3,

10-13/. Испытание основ должно быть бескомпромиссным. Разговор по существу должен быть достоин существа своей серьезностью. Поэтому мы заранее просим прощения у автора за жесткость оценок. Мы не склонны их абсолютизировать или выдавать за решение в последней инстанции. Однако, говорить будем честно то, что думаем, отрешившись от личных симпатий и памятуя слова Иисуса Христаши о правильном отношении ко всякому учению: "Не судите на лица, но правый суд судите /Иоан 7,24/.

"Теологический манифест" излагает учение о том, что существует социально-экономическая модель, имеющая в Церкви безусловную ценность. Это учение противопоставляет в качестве Добра и Зла два социально-экономических уклада: коммунистический и капиталистический. Коммунистический уклад автор считает "социальнym идеалом христианства", подчеркивает прямую связь между Евхаристической трапезой и коммунистическим устройством христианской общины". Такой взгляд отражен в самом названии первой главы "Евхаристический коммунизм".

Капитализм автор осуждает, как безусловное зло: "безсмысленный по существу капиталистический строй". "Полнота Евхаристической трапезы и активное служение мамоне в масштабах целого народа практически несовместимы". Таким образом, эпитет "теологический" в Манифесте оправдывается религиозно-нравственными категориями, в которых автор рассматривает социально-экономические проблемы. Сразу же возникает вопрос: насколько церковно такое учение?

Характерный признак любого церковного учения в том, что церковь содержит его изначально. Оно может быть сокровенным до времени, нераскрытым, все же незамеченным до тех пор, пока историческая ситуация не создаст условий для его выявления.. Учение это никогда не бывает новым по существу, но лишь выявлением вечно хранимой истины. Поэтому, естественно поставить вопрос: Содержит ли церковь такое учение?

А.

"И спроси его Иисус: что ты есть имя?"

Обоснования церковности своей работы автор не засстает. Как бы вскользь, на него должны работать энграff и посвящение

памяти Флоренского. Предисловий работе эпиграф взят из ини-
ги св. Иринея Лионского "Против ересей": "Наше учение согласно
с Евхаристией, и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает уче-
ние". Этим правилом св.Ириней связывает принцип и практику бого-
словствования. Такое правило нельзя рассматривать как обосновани-
ем конкретного богословского учения до тех пор, пока автор с очевид-
ностью не покажет, что его учение действительно соответствует
этому правилу.

В посвящении своего труда памяти о.Флоренского, автор ука-
зывает на связь богословия о.Павла по вопросам культа с основ-
ной идеей "Теологического Манифеста". Однако, в ходе изложения
автор такую связь не выявляет.

Ссылку автора на текст "Деяний св.Апостолов" и труды св.
Иоанна Златоуста нельзя рассматривать как обоснование церков-
ности предлагаемого труда. Автор использует этот текст в ка-
честве материала, необходимого ему для развертывания собствен-
ной гипотезы. Предлагаемый критический анализ имеет своей зада-
чей выявить, насколько всперковлено понимание автором этих тек-
стов.

Б.

Прежде всего посмотрим, как стражена в церковном сознании
постановка социально-экономической проблематики. Рассматривает
ли Церковь социально-экономические модели и содержит ли одну
из них в качестве безусловной ценности?

Господь Иисус Христос не проповедовал экономических ре-
форм и идеалов. Не проповедовал частной собственности, не про-
поведовал сбобществления имущества. На прямую просьбу быть
судьей в имущественном споре, Он ответил отказом: "Некто из
народа сказал Ему: Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разде-
лил со мной наследство. Он же сказал человеку тому: Кто поста-
вил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите,
берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изоби-
лия его имени". /Лк.12,14./ Христос признавал человека ссве-
бодиться от своих страстей, в том числе не от богатства, а от
привязанности к нему. Он предложил богатому юноше продать име-
ние и раздать нищим. В этом предложении нет экономического ин-
тереса. Христос озабочен судьбой юноши, а не его богатства.
Различие принципиальное. Вопрос о формах отчуждения и способах

распределения богатства между неимущими остается вне интересов Иисуса Христа. В третьем случае, Христос прямо указывает на второстепенность экономической задачи. Когда Мария помазала миром Иисуса, Иуда Симонов Искариот, который хотел предать Его, сказал: "Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Иисус же сказал: "...нищих всегда имеете с собой, Меня же не всегда" /Иоанн.12,3-8/.

Когда Господь призывал апостолов, они оставив всё /сети, лодку и стца в лодке, имущество, мытницу и т.д./ пошли за Ним. Ни один не связал себя заботой о распределении имущества между нуждающимися. Христос с учениками жил на подаяние, которое бросали в ящик. Хранителем общей кассы был Иуда Искариот. Учению Иисуса Христа были совершенно чужды идеи социально-экономического равенства. Ни в Новозаветных книгах, ни в последующих творениях святых отцов, ни в церковных канонах, ни в богослужебных текстах Церкви не сознание никак не отразило интереса к поискам и проповеди идеальных форм общества и хозяйства. Эти проблемы были живыми еще в те времена. Социальные утопии искали еще античную мысль. Автор упоминает о "средневековых коммунистических сектах". Однако, церковному сознанию эти проблемы оставались равно чуждыми во все эпохи.. Оно сбходит их полным молчанием. Это не значит, что Церковь против социального или хозяйственного строительства жизни. Заговор молчания означает лишь, что Церковь живет вне этих проблем.. Политэкономия осталась навсегда за пределами церковной проблематики. Поэтому попытка опереться или иное решение социально-экономической проблемы на церковный авторитет всегда приводит к искажению церковно-исторической перспективы. Утверждения автора о "социальном идеале христианства", "социальном идеале Евангелия", "социальной требовательности Евхаристии" составлены без богословского обоснования во все не потому, что очевидны. Напротив, они лишены обоснования потому, что их невозможно обосновать. Они поблескивают в тексте произвольными и бессодержательными декларациями. Церковь и приспособливается, и несет скорби в условиях любой социально-экономической модели. Она принимает относительную ценность данной модели и освещает эту модель, насколько она способна принять её освещющее действие. Церковь не отождествляет себя при этом ни с какой социальной моделью. В этом универсальность Церкви.

II.

Социология представляет собой философскую дисциплину, которая списывает общечеловеческую данность, опыт исторического бытия человека, понятого как есть. Это история человеческих взаимоотношений, как они складывались в естественном человечестве, несущем наследство своего грехопадения. Анализ этих отношений выявляет общие закономерности, которые мы называем социальными законами. В основе их лежит стремление к самосохранению и улучшению условий существования. Люди легко отыскивают для себя эти законы и усваивают, как написанные правила поведения. Они естественны, то есть ствечают падшей природе человека: меньше дать, больше взять; меньше риска, больше выгоды; меньше ответственности, больше почета; меньше зависимости от других, большие зависимости от себя и т.д. Разумеется, на эти отношения накладывались высокие стремления к Добру, Истине, Красоте, Справедливости, Милосердию, которые неискоренимые запечатлены в человеке Образом Божиим. Так возникли утопии — прекрасные мечты с гармоничным устройством человеческих отношений. К сожалению, реализуются эти мечты только в романтических и фантастических историях. Они не учитывают железную поступь мировой необходимости — реальность грехопадения.

Самая ошибка социальных теорий в поиске социального, а не онтологического преображения бытия. Они созидают гармонию в непреображенном мире. Их мечты привлекательны, красивы, но бесплотны и бесплодны.

Когда-то Бердяев обращал внимание, что Церковь не создала антропологии. Справедливое замечание. В Церкви не могло возникнуть учение об Усии и Ипостаси человека падшего, живущего в разделении с Богом, пораженного грехом, пребывающего в рабстве темных сил. Усия и Ипостась раскрываются только в Христологии — учении о возрожденном Человеке, пребывающем в живой связи с Творцом, чистом от греха, неподвластном смерти и тлению.

По той же причине, в Церкви не может быть социологии — учения о том, как создать в падшем мире идеальный общественный уклад. Церковь не строит утопий. В Церкви есть богословская дисциплина того же порядка — эклезиология, учение о Церкви, как Теле Христовом, которое составляют возрожденные Духом Святым и пребывающие в благодати. Преображенное творение есть "Церковь Господа и Бога, иже стяга кръсни Свою" /Леян.20,23/.

Это Тело Христово, созидающееся в недрах истории для вечности из живых душ. Социология представляет философский коррелят эклезиологии. Принципиальное различие между ними в понимании источника преображения бытия. Социальные учения схидают преобразования от естественного накопления социальных улучшений: усовершенствования социального строя, экономики, развития науки и техники, нравов, быта и т.д. Церковь видит источник преображения бытия в Боге Святом Духе, навстречу Которому человек открывает сердце: "приди и вселися в ни, и очисти ни от всякия скверны". Собрество может стать Церковью, а может состояться только обществом. Это будут два совершенно разных явления по качеству бытия. /Даже если у них окажутся похожими социальный строй и экономика/: возрожденное и невозрожденное. Их жизнь осуществляется по совершенно разным законам. /Смотри об этом подробнее Колоссиян. гл.3/.

A.

"Прямая связь между Евхаристической трапезой и коммунистическим устройством христианской общины" возникает в результате допущения автором логической ошибки. Автор нарушает закон тождества А есть А. Нарушение закона тождества автор осуществляет посредством тождественных определений для двух разных категорий бытия. Рассмотрим первое умозаключение, в котором проигрывается социальный вариант подмены ценностей.

Эклезиологическую жизнь святых автор выдает за естественную социальность: "коммунистическая община Иакова, основанная на совместном потреблении". Община св.Иакова тождествляется с общиной коммунистической, как два феномена одного порядка: "Коммунистический принцип "каждому по потребностям" был осуществлен в общине Иакова за 18 веков до того, как был прозвозглашен в общине Маркса." Эклезиологическая жизнь святых сводится на социальный уровень и тождествляется с социальным укладом. Так тождествляются два разноприродных явления. Каждое из них автор определяет как "общество потребления". Совершенно очевидно, что это выражение может быть приложимо к каждому из двух явлений только в разном смысле. В логике такой прием называется утверждением термина или подменой тезиса. Утверждан, что община Иакова основана на совместном потреблении, автор допускает передеряку. Община св.Иакова основана на Евхаристии. Одно из

двух суждений ложно. Средний термин двусмыслен. Поэтому ложным оказывается выведенное суждение, стоящее за коммунистический уклад с общиной Иакова на социальном уровне как "общество потребления".

Рассмотрим второе умозаключение, в котором проигрываетя обратный эклезиологический вариант подмены ценностей. Социальную жизнь коммунистического строя автор возводит на эклезиологический уровень тоже посредством тождественных спределений для различных категорий бытия. Истоки Церкви автор указывает в Таинстве Евхаристии: Когда Христос "принес в Иерусалимской горнице Евхаристическую Жертву, и причастил Её учеников, Церковь была сотворена". "В силу Евхаристической Жертвы, в которой Господь наш Иисус Христос отдал Себя в снедь и питье Своим ученикам, Церковь есть Его истинное Тело".

Истоки коммунистического устройства автор тоже указывает в Таинстве Евхаристии: "Коммунистический строй первохристианской общины естественно возник от совместного вкушения Таинства". "Прямая связь между Евхаристической Трапезой и коммунистическим устройством христианской общины". "Евхаристическая Трапеза влечет людей к такой форме общественности, которую следует назвать - евхаристический коммунизм". Община св. Иакова и коммунистический строй оказываются отождествленными на эклезиологическом уровне как "евхаристическая община". Мы видим буквальное повторение той же логической сперации: две посылки силлогизма по формуле a есть b , c есть b ; следовательно, a есть c . Но одна из посылок ложна: c не есть b . Очевидно, что и вывод ложен. Отождествление незаконно: a не есть c .

Итак, в первом силлогизме два разнoprородные явления незаконно отождествляются на социальном уровне как "общество потребления". Во втором суждении два разнoprородных явления отождествляются на эклезиологическом уровне как "евхаристическая община". Из этих двух суждений автор по той же схеме выводит, что эклезиологическое явление "евхаристической общины" и социальное явление "общества потребления" тождественны, поскольку имеют одну и ту же общую природу. Асцеденная ошибка тут же приводит автора к очевидной нелепости. В Гефсиманском саду Иисус Христос молится, чтобы в Церкви пребывала полнота единения во образ единства Св.Троицы: "Да будут едино, как Мы едино/Иоанн. 17,22/. В этом "всесовершенном единстве" автор указывает "нор-

му общественного поведения". Сочетая несочетаемое, социология автора заpusкает свои корни в общественную жизнь Св.Троицы. Смешение понятий ведет к бессмыслице и богословской профанации. Св.Троица не есть общество и не может быть "нормой общественного поведения".

Как могут два разноприродных явления - Церковь и коммунистический строй - иметь общий корень - Тело Христово? В отношении Церкви генетическая связь с Евхаристией очевидна: Церковь сознает себя как Тело Христово. Обе реальности - Церковь и Евхаристия - имеют одну природу Нового Адама. Но коммунизм имеет иную природу. Си есть плоть от плоти Адама Ветхого. Как от Тела Христова может рождаться Ветхий Адам автор не объясняет. Онтологическое различие Ветхого и Нового Адама не является для Автора секретом. Он пишет: "Христианская вселенность в Теле Нового Адама на новом онтологическом уровне, превосходящая все различия Адама Ветхого". Тем более странно такое решительное отождествление автором природы Нового и Ветхого Адама: "Церковь проявила коммунистическую природу своего общественного идеала". Проявить можно ту природу, что имеешь. Автор вынужден либо признать, что "общественный идеал Церкви" имеет природу Ветхого Адама, что искусственно. Либо признать, что коммунизм имеет природу Адама Нового, что нелепо. Онтологическое и генетическое отождествление Церкви и коммунизма заводят автора в неизбежный тупик.

Б.

Ложная предпосылка, основанная на очевидном смешении разноприродных категорий бытия, позволяет автору просачиваться на исторические и Новозаветные события любые теории, обобщения и выводы. "Из ложного следует всё, что угодно". /Теорема математической логики. Кондаков. Логический словарь, стр.191/. Они могут не нарушать формальных законов логики, и в этом смысле будут справедливы. Но по содержанию они будут ложны, поскольку развивают ложную предпосылку: указывают на тождество, которого в действительности нет. Отсюда понятие то раздражение, с которым "какой-то ревнивый критик, бурно реагирующий на слово "коммунизм", настолько измарал первую главу книги, что пришлось накладывать латки". С одной стороны, для него была очевидна ложность суждений по содержанию. А с другой - он не сумел раз-

глядеть формальную ошибку в рассуждении и излил свой праведный гнев на невинный термин. Логические операции автора похожи на математическое доказательство шутки $2 \times 2 = 5$. Знаменатель одной части равенства делают равным нулю, замаскированному буквенными обозначениями. Если знаменатель стремится к нулю, числитель стремится к бесконечности. Числитель выражен определенным числом и не может быть равен бесконечности. Знаменатель не может быть равным нулю, поскольку числитель не может быть одновременно равен определенному числу и бесконечности. В этом случае говорят: выражение не имеет смысла. Так же лишено смысла выражение автора, сводящее к общей онтологии две разные проповеди Адама Ветхого и Нового. Это равносильно делению на нуль.

Ш.

Анализ капиталистического уклада социально-экономической жизни не вызывает затруднений. Капитализм существует в конкретных формах. Его недостатки очевидны. Чорски указаны и осуждены. Сложне с анализом коммунистического уклада. До сих пор коммунизм не был осуществлен нигде и никогда. Пока существует лишь первая фаза коммунистического уклада — реальный социализм. Он представляет собой коммунизм незавершенный и несовершенный. Социализм существует в разнообразных, часто малоподходящих вариантах, исторически складившихся в разных странах. Автор рассматривает не реальные формы конкретного варианта социализма, а идеальную форму завершенного коммунизма, конкретные черты и признаки которого по меньшей мере спорны.

В качестве образца, автор использует не утопическую общину и не общину, которая бы осознавала себя и исповедывала коммунистической. Автор выдает нам за таковую исторически существовавшую первохристианскую общину св.Иакова в Иерусалиме. По мнению автора Иерусалимская община имеет три характерные черты, достаточные для описания коммунистической общин.

I. Осуществлен коммунистический принцип: "Коммунистический принцип "каждому по потребностям" был осуществлен в общине Иакова за I3 веков до того, как был проповедан в общинах Маркса".

/Примеч.: историческую нессообразность "общины Маркса" мы оставляем без обсуждения, поскольку автор не ссылается на какие-либо источники, проясняющие смысл его слов/.

2. Учреждение административно-хозяйственного аппарата: "Коммунистический строй первохристианской общины... был... настолько большой ценностью, что... учредили особую духовную администрацию для его поддержания".

3. Достигнуто "общение имуществ" и "полнейшее хозяйственное единство".

Для идентификации христианской общины Св.Иакова с коммунистической необходимо выяснить два вопроса:

1. Действительно ли коммунизм вписывается в эти три формальные характеристики?

2. Имеют ли место эти характеристики в общине Иакова или они навязаны ей Автором без достаточных оснований?

Для выяснения первого вопроса необходимо знать авторские дефиниции таких понятий как "коммунизм", "коммунистический строй", "коммунистическая теократия", "евхаристический коммунизм" и т.д. Поскольку автор уклонился от каких бы то ни было дефиниций, у нас нет возможностей вдуматься в особенности его видения этих понятий. Остается единственная возможность рассматривать содержание этих понятий в их общепринятом объеме.

Рассмотрим эти три характерные признака в двух указанных отношениях:

1. Экономический принцип коммунизма автор цитирует неверно. Этот принцип выражает конкретную зависимость между трудом и распределением прибыли: "От каждого по его способностям, каждому по потребностям". /"Критика Готской программы". К.Маркс и Ф.Энгельс., Соч., т.19, стр.20/. Поскольку производительного труда в общине Св.Иакова не было, первую часть принципа, как несущественную в данном обществе, автор опустил, тем самым свидетельствуя неприменимость коммунистического принципа в общине Св.Иакова. Распространяя понятие "коммунизм" на хозяйственный уклад, который в действительности не охватывается принципом коммунистической экономики, автор лишает понятие "коммунизм" определенного содержания. Заштет "потребительский" не уточняет, а разрушает содержание понятия, поскольку вводит признак, противоречий этому содержанию. Автор вправе мыслить о коммунизме по-своему, но только до известного предела, полагаемого существенными признаками этого понятия. Иначе оно теряет содержание. Между "потребительским" коммунизмом общин Св.Иакова и комму-

низмом в его общепринятом значении, такая же разница, как между "милостивым Государем" и Государем Императором.

Оставленная автором в тексте часть коммунистического принципа, сама по себе уже несет совершенно иную смысловую нагрузку. Если рассматривать ее в качестве самостоятельного принципа, то это будет экономический принцип не коммунизма, а богоугодного заведения: больницы, дома престарелых, инвалидов, мальчиков и т.д.. где нет труда, но есть распределение по потребностям, т.е. милостыня. "Каждому по потребностям" есть осуществление идеала милостыни, вполне естественное для христианской общины.

2. Учреждение администрации и регламента распределения не лишает милостыню ее классического смысла. При организованном характере милостыни вместе с фондом пожертвований, неизбежно возникает комитет фонда и регламент распределения. Так бывает всегда при организации фонда помощи голодающим, погорельцам, пострадавшим от наводнений, или землетрясений. Возникший в общине Св.Иакова фонд пожертвований, вынуждал избрать распределителей для его распределения.

Учреждение администрации подтверждает всего лишь наличие социальной структуры в общине Св.Иакова. Едва ли кто станет ее оспаривать. Церковная иерархия, принимающая на себя судебные, административные, и другие организующие функции, является эклезиологическим аналогом социальной структуры. Учреждение администрации не является специфическим признаком коммунистического строя. Насоборот. Аргумент работает против автора, поскольку в идеальном коммунистическом обществе, каким автор представляет общину Св.Иакова, мыслится не рождение, а отмирание аппарата административно-хозяйственных функций.

3. Текст "Деяний" не дает оснований утверждать, что частная собственность в общине Св.Иакова не имела места. С другой стороны, ни общее хозяйство, ни собществоение имущества само по себе, не является специфическим признаком коммунизма. Статья Нечаева "Главные основы будущего общественного строя" характеризована Марксом и Энгельсом как "прекрасный образчик казарменного коммунизма": "Всё тут есть: общие столовые и общие спальни, сценники и китори, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность"./См. К.Маркс и Ф.Энгельс., Сочинения, т.18., М.,

Коммунизм видит социально-экономическую задачу не в обобществлении имущества, а в общественной собственности на сущдии и средства производства. Эти задачи ни в коем случае нельзя путать. Но в общине Св.Иакова имущество даже и не обобществлялось. Оно продавалось: "И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем" /Деян.2,45/. "Все, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов" /Деян.4,34-37/. По точному смыслу написанного, возникла общая касса денежных пожертвований, которые распределялись "смотря по нужде каждого" /Деян.4,32/. "Не было между ними нуждающегося, ибо... каждому давалось, кто имел в чем имел нужду" /Деян.4,34/. "Леяния" не дают никаких оснований говорить о возникновении общего хозяйства в общине Св.Иакова: общая касса не тождественна с общим хозяйством. Обобществление имущества в книге "Леяний" текстуально также не обладает бесспорной очевидностью. Автор может иметь в виду два текста "Леяний":

1. "Никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее" /Деян.4,33/. Из этого текста очевидно, что собственность не изменила своего юридического статуса. Изменилось внутреннее к ней отношение. Свое составалось юридически своим, но никто его своим "не называл". Имеющий был как не имеющий - скажет чуть позднее "Учение 12 Апостолов". Из приведенного текста можно вывести обобществление, имеющее не социальный /т.е. общесвязательный, принудительный характер/, а моральный, т.е. добровольный характер.

2. "Все же верующие были вместе и имели всё общее" /Деян.2,44/. Это единственный текст, дающий автору основания для утверждения об обобществлении имущества в общине Св.Иакова. Однако выводы из этого текста не стоит переоценивать. Из обобществления имущества возникновение общего хозяйства не следует.

Остается самое существенное возражение против мнения автора о коммунистической структуре хозяйства в общине ап.Иакова: отсутствие общинного договора. Бесспорны для читателя книги "Леяний" два факта: 1. Деньги, которые полагали к ногам Апостолов, не были вступительным взносом в общину.

2. Продажа земель и домов не была условием вступления в общину. Поэтому Анания и Санфира не были "лукавыми общинни-

ками", как полагает автор. Отсутствие общинного договора исключает возможность его нарушения. По отношению к общине в "лукавстве" нет нужды. Никаких формальных обязательств по отписанию к общине Анания и Сапфира на себя не принимали, а потому и нарушить их не могли. Они нарушили обещание Богу, данное в сердце. Апостол Петр определяет их вину дословно: "Ты солгал не человекам, а Богу". Если человекам не солгал, то перед общиной не виноват. Автор справедливо замечает, что "грех их был неразрывно связан с проблемой собственности". Они действительно оказались "лукавыми собствениками". А вот называть их "лукавыми общинниками" у Автора нет никаких оснований.

Проделанный анализ позволяет ответить на два вопроса, поставленные в начале главы:

1. Предложенные автором формальные характеристики не являются существенными признаками понятия "коммунизм". Принцип указан неверно. Администрация и обление имуществ - не специфичны.

2. К общине Св.Иакова эти характеристики можно приложить лишь с оговорками и широкими поправками. Термин "коммунизм" в приложении к общине Св.Иакова можно понимать только как синоним обобществления.

Если же, кто хочет знать, каковы были действительные условия вступления в общину, читайте текст "Леяний". Именно об этом спросили у ап.Петра слушатели его проповеди: "Они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия? Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа." /Леян.2,37-38/.

Так же отчетливо выражена задача общины в единодушной молитве: "Дай рабам Твоим со всей смелостью говорить слово Твое" /Леян.4,29/.

Никаких следов социальных или экономических задач у той общины книга "Леяний" не сохранила. Идентифицировать христианскую общину с коммунистической оказалось невозможно. Это два совершенно различных по природе и задачам образования.

ІУ.

Автор представляет Св.Иоанна Златсуста "самым пламенным проповедником христианского коммунизма". Его взгляды и социальную деятельность автор обобщает в таких выражениях:

"Вселенский святитель предпринял первую в истории попытку коммунистического переустройства всего общества в целом".

"Иоанн Златоуст призвал к осуществлению такого коммунистического общества, которое было бы одновременно и семейным и трудовым".

"Иоанн Златоуст призвал константинопольских христиан положить начало осуществлению коммунистического братства в масштабах Вселенной". Образный язык св.Иоанна Златоуста не знает социологических терминов, которыми цестрит авторский текст: "коммунистический", "собществоение", "отчуждение", "кооперация", "частная собственность" и т.д. Излагая религиозно-нравственное учение св.И.Златоуста в социологических терминах, автор создает его социологическую репродукцию. Терминология искаивает не только язык, но и религиозно-этический смысл суждений. Такое изложение выглядит так же нелепо, как смотрелось бы изображение святителя вместо омсфера в джинсах.

Теперь посмотрим на "коммунизм" св. И.Златоуста в конкретных текстах: "Иоанн Златоуст гневно обличал богатых: "Если бы можно было подвергать богатых наказанию, то все темницы наполнились бы ими". Мы верим, что И.Златоуст обличал богатых. Но из данной цитаты следует лишь, что богатых было много.

Автор приводит обширную цитату о том, что человек не должен присваивать себе то, что принадлежит всем. К сожалению, автор делает вывод, который из слов Златоуста вовсе не следует, и даже приписывает Златоусту слова, которых тот не говорил: "И Златоуст произнес, что имущественное неравенство противоречит законам природы, а частная собственность – общественной сущности человека". Однако, читатель с удивлением убеждается, что текст И.Златоуста, самим же автором приводимый, никаких социологических утверждений не содержит. Утверждения автора являются не выдержкой из текста и даже не выведом из текста, а произвольным истолкованием текста. Такие отношения между авторским текстом и цитатами из И.Златоуста прослеживаются до конца главы.

"Источники послушают свое начало в местах возвышенных. Сделаемся же и мы возвышенны душой, и тотчас потечет на нас милостыня. Источники чем более считываются, тем более обильными становятся, так и мы, чем более будем раздавать, тем более произрастет благ". Приведенному тексту И.Златоуста автор дает

такое истолкование: "Отсюда вытекает то, с чем Златоуст говорит неоднократно: наибольшее духовное благо должно иметь своим социальным коэффициентом и наибольшую взаимную милостыню, т.е. свободное коммунистическое братство..." Совершенно очевидно, что Св.Иоанн Златоуст и автор говорят на разных языках и совершили с разных проблемах. Их интересы не пересекаются.

Цитату на стр.18 автор вырывает из контекста таким образом, что сама по себе, без авторских пояснений сна вообще не раскрывает своего смысла: "Когда не было верных... когда все по всей вселенной были врагами веры... они столь смело приступили к этому делу, то не тем ли более это возможно теперь...". Из самой цитаты нельзя понять, кто приступил и к какому делу. Это объясняет авторский токот: "И.Златоуст призывал константинопольских христиан положить начало осуществлению коммунистического братства в масштабах Вселенной". Чтобы сообщить, что "кто-то" приступил к "какому-то делу" не было смысла загромождать текст цитатой. Гораздо интересней было бы привести текст призыва И.Златоуста, если он, действительно, имеется.

Мы не покушаемся оспаривать социологическое истолкование автором святоческих текстов. Это было бы безнадежным занятием. Однако, для беспристрастного читателя очевидно, что неправомерная индукция навязывает св.И.Златоусту авторскую социологию безо всяких к тому текстологических оснований. Каково же конкретное содержание социологии автора, которую он приписывает св.И.Златоусту в качестве "коммунизма"? Пересмотрев тщательно авторский текст, мы выбрали все отчетливые социологические утверждения.

1. "Имущественное неравенство противоречит законам природы".
2. "Частная собственность противоречит общественной"сущности человека".
3. "Священный характер имеет не частная собственность, а общественная".
4. "Свободное коммунистическое братство должно низводить на землю высшее благо".
5. "Указывал на хозяйственные преимущества кооперации".
6. "Обобществление имущества".

Итак, весь "коммунизм" И.Златоуста автор сводит к одному тезису, представленному в шести различных формулировках - к

обобществлению имущества. Такой итог поход на лопнувший мыльный пузырь. Если содержание понятия "коммунизм" исчерпывается этим единственным признаком, то "коммунизм" превращается в пустое понятие, в излишний синоним, в плесназм, вынуждающий мысль тщетно искать признаки, которые вообще не мыслятся.

Даже если бы св.И.Златоуст действительно поставил обобществление на уровень экономических задач, призвав обобществить термы, эргастермы, земли, средства торговли - увы, читаты, подтверждая этот намерение, мы не нашли, - это не был бы "коммунизм", а всего лишь колLECTИВИзМ, не выходящий за рамки обобществления.

Выходит, спор шел о словах? Конечно, нет.

У.

Два прецедента "коммунистического устройства общества" предлагает нам автор: 1.Общину св.Иакова. 2.Константинопольскую церковь времен св.Иоанна Златоуста. /Автор предлагает еще третий прецедент - монашество. Мы составили его без рассмотрения/. В обоих случаях, "коммунизм" выхолощен и сведен к синониму "обобществление имущества". Для какой же цели потребовалось автору так сужать понятие "коммунизм"?

Обобществление есть тот необходиМый минимум существенных признаков понятия "коммунизм", который позволяет говорить о христианской репродукции коммунизма, которую мы с легкой руки автора называем "евхаристический коммунизм".

Другая репродукция коммунизма не нуждается в специальном изложении. Она бесспорна и общеизвестна. Ее называют "марксизм". В основном тексте автор говорит об этой репродукции редко и сдержанно, называя имя Маркса всего два раза. Первый - в связи с существованием коммунистического принципа Маркса в общине св.Иакова. Второй - в связи с проповедью св.И.Златоуста, "предвосхитившего К.Маркса и Руссо". Итак, две репродукции коммунизма: "евхаристический коммунизм" и "марксизм" предлагает автор. Наиболее решительные обобщения автор предпочел вынести из основного текста в приложения и примечания:

"Союз рабочего класса и крестьянства, как и многие другие идеи марксизма - социальный аналог великих религиозных истин."

Вопросы, занимавшие XI и XУ съезды партии были не вовсе чужды той проблематике, которая стояла перед Отцами УІ Вселенского Собора: возможно ли воплощение универсального в конкретном".

Структурные соответствия между христианством и марксизмом, которых мне пришлось касаться в разных местах "Теологического Манифеста", имеют весьма глубокие корни. В основе христианского жизнепонимания лежит Евхаристия - "производство и потребление" хлеба Насущного. В основе марксистского жизнепонимания лежит мировое хозяйство - производство и потребление хлебов земных. Евхаристия - это Божественное хозяйство. Мировое хозяйство - это естественная Евхаристия... Марксисты действительно смотрят на мировое хозяйство, как христиане на Евхаристию. Этот факт, взятый в связи со всем содержанием настоящей работы, дает основание утверждать, что не только христианские исповедания, но и сложившиеся в мире два полюса социального притяжения различаются по Евхаристическому принципу".

Такое утверждение автора озадачивает читателя даже после прочтения всей книги. В производстве и потреблении хлебов земных заинтересована любая социально-экономическая система. В этом ее смысл и оправдание. Один и тот же буржуазный дух воодушевляет всякую систему, которая возводит в жизненный принцип служение исключительно материальным ценностям. К сожалению, автор не определяет, не конкретизирует, не выявляет неожиданное принципиальное различие между марксизмом и капитализмом, оставляя читателя в полном недоумении по поводу такого странного экономического признака системы, как Евхаристия. Гораздо больше внимания автор уделяет выявлению у марксизма общих признаков с христианством. В качестве "структурного соответствия между христианством и марксизмом, имеющего весьма глубокие корни", автор выдаст одну из сбщечеловеческих интуиций, которая действительно лежит гораздо глубже социальных, национальных и культурных различий. Этот глубокий корень связывает вовсе не христианство с марксизмом, как кажется автору.. Он связывает воедино род человеческий со всей полистой бытия. Понимание стечений между человеком и бытием в христианстве и марксизме совершенно различное. Используя сильочную аналогию,

автор выдает очевидное онтологическое различие за "структурное соответствие". Развличие выдается за сходство. У христиан источник бытия - Бог: "Аз есмъ Сын" /Иоанн 8,25/: "Я есмъ хлеб жизни" /Иоанн 6,35; 6,48; 6,51/. У марксистов источником бытия мыслится материя. "Марксизм есть материализм. Он беспощадно враждебен религии" /Ленин ПСС т.17, стр.415/. Хлеб, конечно, может быть вполне оправданным символом материи. Возникает омонимия, когда одно и то же слово "хлеб" может нести разное содержание, онтологически разное содержание. Общее название затушевывает онтологическое различие и фиксирует внимание на общем символе. Ложная аналогия - типичная логическая ошибка в "умозаключениях по аналогии". Словарь-справочник Кондакова в таких словах предостерегает от этой ошибки: "Главный источник заблуждений в умозаключениях по аналогии состоит в том, что умозаключающий может не обратить внимания на те свойства сравниваемых предметов, которыми они отличаются друг от друга. В таких случаях аналогия ведет к ошибочным заключениям. Ошибочная аналогия нередко приводит к печальным результатам. Так, дети собирают и едят ядовитые ягоды, ошибочно заключая, что их можно есть потому, что другие ягоды, несколько сходные с ними по внешнему виду, оказывались вкусными." /Кондаков, стр. 428/.

.....